

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME
ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «АЛЛАНАЗАРОВА против РОССИИ»

(Заявление № 46721/15)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СУДА

СТРАСБУРГ

14 февраля 2017 г.

Настоящее постановление станет окончательным на условиях, определенных пунктом 2 статьи 44 Конвенции. В текст постановления могут быть внесены редакционные правки.

По делу «Алланазарова против России»,

Европейский суд по правам человека (третья секция), заседая Палатой в следующем составе:

Луис Лопес Герра (Luis López Guerra), *председатель суда*,

Хелена Ядерблом (Helena Jäderblom),

Хелен Келлер (Helen Keller),

Дмитрий Дедов (Dmitry Dedov),

Бранко Лубарда (Branko Lubarda),

Алена Полячкова (Alena Poláčková),

Георгиос А. Сергидес (Georgios A. Serghides), *судьи*,

а также Стивен Филлипс (Stephen Phillips), *секретарь*,

после закрытого заседания 24 января 2017 года,

вынес следующее Постановление в указанный день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было открыто по исковому заявлению (№ 46721/15), поданному Суду 24 сентября 2015 года гражданкой Туркменистана г-жой Натальей Ивановной Алланазаровой (далее - «заявительница») против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция»).

2. Интересы заявительницы в Суде представляет г-жа Н. Ермолаева, адвокат из Москвы. Российское правительство (далее – «Правительство») представляет г-н Г. Матюшкин, представитель Российской Федерации в Европейском суде по правам человека.

3. Ссылаясь на статью 3 в сочетании со статьей 13 Конвенции, заявительница утверждает, что она может быть подвергнута жестокому обращению в случае возвращения в Туркменистан, и что она не имела эффективных средств правовой защиты, которые могла бы использовать с целью обжалования действий российских властей.

4. 24 сентября 2015 года Суд указал российскому правительству, в соответствии с правилом 39 Регламента, что в интересах сторон и с целью надлежащего проведения судебного разбирательства, процедура высылки заявительницы в Туркменистан должна быть отложена до 8 октября 2015 года.

5. 7 октября 2015 года Суд постановил рекомендованную 24 сентября 2015 года обеспечительную меру продлить на все время ведения судебного процесса и передать исковое заявление Правительству. Кроме того, было решено присвоить данному иску статус дела, подлежащего приоритетному рассмотрению в соответствии со статьей 41 Регламента Суда.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявительница родилась в 1961 году и проживает в городе Саратов (Россия).

7. В 2012 году заявительница переехала из Туркменистана в Россию и поселилась со своим сыном и внуком в Московской области.

A. Уголовное преследование в отношении заявительницы в Туркменистане, ее задержание в России и запрос туркменских властей о выдаче

8. 18 июля 2012 года заявительница была обвинена в мошенничестве властями Туркменистана, заочным решением приговорена к заключению под стражу, а через два дня было выдано постановление о ее аресте.

9. 19 июля 2014 года заявительница была арестована в российском городе Саратов и временно заключена под стражу в СИЗО № ИЗ-64/1.

10. Письмом от 16 августа 2014 года генеральный прокурор Туркменистана направил запрос своему российскому коллеге на предмет распоряжения о выдаче заявительницы с целью проведения уголовного расследования согласно статье 228 пункту (2) (b) и (c) и пункту (4) Уголовного кодекса Туркменистана. В этом же письме было дано обязательство не передавать заявительницу третьим странам без согласия Российской Федерации, не преследовать ее в судебном порядке по преступлениям, не связанным с заявленными причинами экстрадиции, и разрешить ей свободно покинуть территорию Туркменистана после отбытия наказания. Заявительнице гарантировалось право на защиту, на помощь адвоката в соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса Туркменистана и нормами международного права. Было также дано заверение в том, что заявительница не будет подвергаться пыткам либо иным формам бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, и что она не будет подвергаться дискриминации по признаку социального статуса, расы, религии или этнического происхождения.

В. Ходатайства заявительницы о получении статуса беженца и временного убежища и процедура экстрадиции

1. Ходатайство о статусе беженца

11. 14 августа 2014 года заявительница подала ходатайство о предоставлении статуса беженца в Региональное управление Федеральной миграционной службы («ФМС») города Саратова.

12. 5 декабря 2014 года Региональное управление ФМС отказало заявительнице в ее просьбе. Во вступительной части решения ФМС сообщалось, что до приезда в Россию заявительница проживала в городе Ашхабад, где до настоящего времени проживают ее мать и сестра. Ссылаясь на анкету, поданную заявительницей при обосновании ходатайства о получении статуса беженца, ФМС подчеркивает, что в качестве причины отказа возвращаться в Туркменистан заявительница указала «страх за свою жизнь, так как там для нее существовал риск заключения под стражу». Далее в решении следовало описание ситуации в Туркменистане со ссылками на правительственные источники, а также на информацию из отчетов неправительственных организаций, таких как Human Rights Watch («Хьюман Райтс Вотч») и Open Doors («Оупен Дорз»). В частности, в решении приводились цитаты из доклада Human Rights Watch, опубликованного в январе 2014 года, согласно которому Туркменистан оставался одной из наиболее авторитарных стран мира. Также, ссылаясь на приложенную к ходатайству о предоставлении статуса беженца анкету заявительницы, ФМС далее цитирует ответы, в которых она заявляла, что она: «не подвергается преследованию со стороны полиции или других правоохранительных органов в какой-либо другой стране, не вела общественную деятельность в Туркменистане и не состояла членом какой-либо политической партии в этом государстве».

13. В заключительной части решения говорится следующее:

«Анализ предоставленных заявительницей сведений и информации из дела, открытого по ее ходатайству, показывает, что она находится вне страны своей гражданской принадлежности и не желает в нее возвращаться, при этом с ее стороны нет серьезных оснований опасаться преследования по признаку расы, религии, этнического происхождения, социального статуса или политических взглядов (...). Власти Туркменистана признают все права заявительницы. Она покинула свою страну самостоятельно и выехала в Россию. [Следовательно], было решено, что пункт 1 статьи 1 Закона «О беженцах» не применяется в ситуации заявительницы. [В связи с этим] ходатайство о предоставлении статуса беженца [заявительницы] должно быть отклонено».

14. В своем иске Суду заявительница указывает, что она составила письменную жалобу на решение от 5 декабря 2014 года, которую передала через администрацию СИЗО № ИЗ-64/1 в Главное управление ФМС по г. Москве.

15. 20 января 2015 года Генеральная прокуратура России направила в Главное управление ФМС по г. Москве запрос с требованием «проконтролировать обоснованность» решения от 5 декабря 2014 года, которым управление ФМС по Саратовской области отклонило ходатайство заявительницы о предоставлении статуса беженца в соответствии с пунктом 1 статьи 1 Закона «О беженцах».

16. В феврале 2015 года (точная дата не установлена) Главным управлением ФМС было принято постановление, которое оставляло в силе решение от 5 декабря 2014 года и повторяло выводы Регионального управления относительно неприменимости закона в случае заявительницы.

2. Процедура экстрадиции заявительницы из России

17. 12 мая 2015 года Заместитель Генерального прокурора России удовлетворил запрос о выдаче заявительницы Туркменистану отметив, что нормы государственного законодательства и международного права не препятствуют ее экстрадиции.

18. С помощью адвоката заявительница обжаловала это решение в судебном порядке, утверждая, в частности, что в случае приведения в исполнение данного решения она будет подвержена риску жестокого обращения в Туркменистане. Она указала, что в этой стране рискует быть заключенной под стражу и вследствие этого может подвергнуться бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в нарушение статьи 3 Конвенции. Она также упоминает о своей принадлежности к российскому национальному меньшинству, представители которого, по ее словам, притесняются туркменскими властями. Эти аргументы она подкрепляет выдержками из докладов Комитета ООН по правам человека, международных организаций и предыдущих решений Суда.

19. Решением от 24 июня 2015 года Саратовский областной суд отклонил исковые требования заявительницы об обжаловании решения относительно ее экстрадиции. Суд, в частности, посчитал, что утверждения заявительницы относительно риска жестокого обращения в случае ее возвращения в Туркменистан являлись только предположениями, и что, кроме всего прочего, туркменскими властями были предоставлены гарантии того, что заявительница не будет подвергаться пыткам или иным формам бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, а также что она не будет подвергаться дискриминации по признаку социального статуса, расы, религии или этнического происхождения.

20. Далее областной суд отметил, что целью подачи ходатайства заявительницы о предоставлении статуса беженца от 14 августа 2014 года было лишь создание «искусственных условий» для того, чтобы воспрепятствовать ее экстрадиции и избежать уголовного

преследования, о котором она знала в момент выезда из своей страны. Кроме того, суд напомнил, что заявительница нарушила срок обжалования решения Регионального управления ФМС по Саратовской области от 5 декабря 2014 года, который согласно статье 10 Закона «О беженцах» составляет 1 месяц, при этом отсутствуют доказательства того, что она подала жалобу на это решение через администрацию СИЗО, в котором она на тот момент содержалась. Подчеркнув также, что в феврале 2015 года Главное управление ФМС оставило в силе решение от 5 декабря 2014 года, суд установил, что прокурор имел право выдать распоряжение об экстрадиции заявительницы, которая не имела статуса беженца. В заключение суд отметил, что заявительница не ходатайствовала о предоставлении политического убежища или временного убежища.

21. Заявительница обжаловала решение Саратовского областного суда от 24 июня 2015 года в апелляционном порядке.

22. Постановлением от 24 сентября 2015 года Верховный суд Российской Федерации отклонил апелляцию заявительницы. В его решении повторялись выводы областного суда о спекулятивном характере требований заявительницы относительно риска жестокого обращения в случае возвращения в Туркменистан. Как и ранее областной суд, Верховный суд принял во внимание гарантии туркменских властей, указанные в их запросе о выдаче от 16 августа 2014 года. Далее он указал, что согласно пункту 1 статьи 10 и пункту 4 статьи 12 Закона «О беженцах», запрет на выдачу касается только лиц, уже получивших статус беженца или временное убежище.

3. Ходатайство о временном убежище

23. 17 июля 2015 года заявительница снова обратилась в Региональное управление ФМС города Саратова с просьбой о предоставлении временного убежища.

24. 16 октября 2015 года ФМС приняла решение удовлетворить ходатайство и предоставить временное убежище до 16 октября 2016 года.

25. В описательной части решения относительно ситуации в Туркменистане повторяются соответствующие текстовые части решения ФМС от 5 декабря 2014 года, в котором заявительнице было отказано в предоставлении статуса беженца (пункт 12 выше). Далее в решении упоминались объяснения заявительницы об обстоятельствах ее выезда из Туркменистана и прибытия в Россию, а также аргументация обоснованности уголовного обвинения против нее со стороны туркменских властей.

26. В заключительной части решения говорится:

«(...) 25 сентября 2015 г. ФМС России получила от представителя Российской Федерации в Европейском суде по правам человека письмо [информирующее ее]

об обеспечительной мере в соответствии с правилом 39 Регламента Суда в рамках жалобы № 46721/15 «Алланазарова против России».

9 октября 2015 г. ФМС России рекомендовала Региональному управлению ФМС г. Саратова принять необходимые меры по предотвращению выдачи [заявительницы] за пределы России до получения новых указаний.

[Учитывая] факты дела [заявительницы], исходя из гуманных соображений и принципа единства семьи, целесообразно предоставить заявительнице возможность временно пребывать на территории России. [Следовательно], в соответствии с подпунктом 2 пункта 2 статьи 12 Закона «О беженцах» и с пунктом 7 Постановления Правительства Российской Федерации № 274 от 9 апреля 2001 г. «О предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации», принято решение предоставить [заявительнице] временное убежище до 16 октября 2016 года».

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

A. Относительно экстрадиции

1. Уголовно-процессуальный кодекс

27. В главе 54 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) «Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора» рассматривается процедура экстрадиции. В соответствии со статьями 462 и 463 УПК решение о выдаче лица по запросу другой страны принимается Генеральным прокурором или его Заместителем. Решение может быть обжаловано в соответствующем региональном суде в течение 10 дней с момента получения уведомления о решении лицом, в отношении которого принято такое решение (статья 463, пункт 1). Соответствующий суд может выносить решение либо о признании решения о выдаче лица незаконным или необоснованным и о его отмене, либо об оставлении жалобы без удовлетворения (статья 463, пункт 7). Постановление соответствующего суда может быть обжаловано в апелляционном порядке в Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации (статья 463, пункт 9). В случае обжалования решения лицом, в отношении которого оно принято, выдача не производится вплоть до вступления в законную силу судебного решения (статья 462, пункт 6).

28. На основании пункта 1 статьи 464 УПК выдача не допускается если:

– лицу, в отношении которого поступил запрос о выдаче, предоставлено убежище на территории Российской Федерации в связи с возможностью преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или по политическим убеждениям (466, пункты 1,2);

– имеется вступившее в законную силу решение суда Российской Федерации о наличии препятствий для выдачи данного лица в соответствии с законодательством и международными договорами Российской Федерации.

2. Постановление Верховного Суда Российской Федерации

29. По конкретному случаю в соответствующих частях Постановления Верховного суда Российской Федерации № 11 от 14 июня 2012 года «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» говорится следующее:

«10. Как следует из пункта 1 статьи 10 и пункта 4 статьи 12 Закона "О беженцах", статей 32 и 33 Женевской конвенции от 28 июля 1951 года, лицо, признанное беженцем или получившее временное убежище, в отношении которого Российской Федерацией получен запрос о выдаче, не может быть выдано запрашивающему государству (...) на территории которого имели место обстоятельства, послужившие основанием для предоставления лицу временного убежища или статуса беженца. (...)

12. Судам необходимо иметь в виду, что в соответствии со статьей 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, в толковании Комитета ООН по правам человека, статьей 3 Конвенции против пыток и других форм жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания от 10 декабря 1984 года лицо также не подлежит выдаче в случае, если имеются серьезные основания полагать, что в запрашивающем государстве оно может быть подвергнуто пыткам или бесчеловечному либо унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию.

Разъяснить судам, что согласно статье 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в толковании Европейского Суда по правам человека, к бесчеловечному обращению или наказанию [относятся случаи], когда такое обращение или наказание носит преднамеренный характер, продолжается на протяжении нескольких часов, или когда в результате такого обращения или наказания человеку могут быть причинены реальный физический вред либо глубокие физические или психические страдания. Унижающим достоинство обращением или наказанием [признается], в частности, такое обращение или наказание, которое вызывает у лица чувство страха, тревоги и собственной неполноценности. (...)

13. В выдаче лица может быть отказано, когда исключительные обстоятельства свидетельствуют о том, что выдача повлечет опасность для его жизни и здоровья, [в том числе с учетом] его возраста и физического состояния (статья 9 Уголовно-процессуального кодекса, статья 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод).

14. Разъяснить судам, что согласно статьям 7, 15, части 3 статьи 463, и 464 Уголовно-процессуального кодекса, статьи 3 Конвенции против пыток и других форм жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, статей 3 и 11 Европейской конвенции о выдаче, при рассмотрении жалобы [соответствующего лица] на решение о выдаче, обязанность обоснования обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии серьезных оснований

полагать, что к лицу могут быть применены наказание в виде смертной казни, пытки, бесчеловечное или унижающее человеческое достоинство обращение или наказание, а также что лицо может подвергнуться преследованию по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или по политическим убеждениям, возлагается на органы прокуратуры Российской Федерации.

Согласно статье 3 Конвенции против пыток и других форм жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, в толковании Комитета ООН против пыток, при оценке наличия или отсутствия [указанных выше] обстоятельств суду необходимо принимать во внимание как общую ситуацию, касающуюся соблюдения прав и свобод человека в запрашивающем государстве, так и конкретные обстоятельства дела [лица], которые в своей совокупности могут [в ряде случаев] свидетельствовать о наличии серьезных оснований полагать, что лицо может быть подвергнуто вышеупомянутому обращению или наказанию.

В связи с этим судами могут учитываться, например, показания лица, в отношении которого принято решение о выдаче, свидетелей, заключение Министерства иностранных дел о ситуации с соблюдением прав и свобод человека в запрашивающем государстве, гарантии запрашивающего государства, а также доклады и иные документы, принятые в отношении такого государства органами [международными организациями] (Совет по правам человека (...)) и [международными договорными] органами (Комитет по правам человека (...), Комитет против пыток (...), Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, действующий во исполнение Европейской конвенции по предупреждению пыток) (...). Судам следует оценить доводы лица, подлежащего выдаче, с учетом совокупности всех имеющихся доказательств.

Следует обратить внимание судов на то, что оценка общей ситуации, касающейся соблюдения прав и свобод человека, которая была дана международными органами [приведенными выше], с течением времени может меняться. (...)

26. По смыслу статьи 463 российского Уголовно-процессуального кодекса вопрос законности и обоснованности решения о выдаче лица разрешается исходя из обстоятельств, существовавших на момент принятия такого решения. В связи с этим обращение [соответствующего] лица (...) с ходатайством о предоставлении ему временного или политического убежища, статуса беженца после принятия решения о выдаче не должно влечь за собой отложение рассмотрения жалобы на это решение, поскольку признание судом [такого решения] законным и обоснованным не обуславливает в дальнейшем фактическую (*de facto*) передачу лица запрашивающему государству до разрешения ходатайства [о предоставлении статуса беженца или временного убежища] либо до окончания процедуры обжалования при наличии отказа в удовлетворении ходатайства [о предоставлении статуса беженца или временного убежища] (статья 14 Всеобщей декларации прав человека, статья 33 Конвенции о статусе беженцев, статьи 3 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод)».

В. Относительно статуса беженца и временного убежища

1. Закон «О беженцах» (Закон №4258-1 от 19 февраля 1993 г.)

а) Статус беженца

30. В статье 1, пункт 1, подпункт 1 Закона «О беженцах» дается следующее определение понятия «беженец»: беженец – это лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может или не желает пользоваться защитой своей страны вследствие таких опасений; или не имеет определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений.

31. Закон не применяется к лицам, в отношении которых есть серьезные опасения предполагать, что они совершили преступление против мира, военное преступление или преступление против человечества, а также тяжкое неполитическое преступление, совершенное за пределами принявшей страны до того, как они были допущены в страну в качестве ходатайствующих о признании беженцами (статья 2 пункт 1, подпункты 1 и 2).

б) Временное убежище

32. В статье 1, пункт 1, подпункт **3** Закона дается следующее определение понятия «временное убежище»: временное убежище - это возможность иностранного гражданина временно пребывать на территории Российской Федерации в соответствии со статьей 12 данного закона и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

33. Относительно временного убежища в соответствующих частях статьи 12 Закона говорится следующее:

«2. Временное убежище может быть предоставлено иностранному гражданину или лицу без гражданства, если они:

– имеют основания для признания беженцем, но ограничиваются заявлением в письменной форме с просьбой о временном убежище;

– не имеют оснований для признания беженцем, но из гуманных побуждений не могут быть выдворены или депортированы за пределы Российской Федерации (...)

4. (...) Лицо, получившее временное убежище, не может быть возвращено против его воли на территорию государства своей гражданской принадлежности или своего прежнего обычного местожительства (...).

5. Лицо утрачивает временное убежище в случае:

(1) устранения обстоятельств, послуживших основанием для предоставления ему временного убежища;

(2) получения права на постоянное проживание или гражданства Российской Федерации либо другого государства;

(3) выезда к месту жительства за пределы территории Российской Федерации.

6. Орган, уполномоченный на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции, лишает лицо временного убежища:

(1) если оно было осуждено по уголовному делу за совершение преступления на территории Российской Федерации;

(2) если оно сообщило заведомо ложные сведения, послужившие основанием для предоставления данному лицу временного убежища, либо допустило иное нарушение положений настоящего Закона «О беженцах»;

(3) если оно привлечено к административной ответственности за совершение административного правонарушения, связанного с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ (в том числе растений, содержащих наркотические средства) или их прекурсоров.

7. Лицо, утратившее временное убежище или лишенное временного убежища в соответствии со статьей 12 (5) и (6 (2)), и не имеющее иных законных оснований для пребывания на территории Российской Федерации, обязано покинуть территорию [Российской Федерации] в месячный срок по предложению [органа, уполномоченного на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции]».

с) Обжалование решений о предоставлении статуса беженца или временного убежища и гарантии недопустимости принудительного возвращения

34. Относительно обжалования решений о предоставлении статуса беженца или временного убежища и о гарантиях недопустимости принудительного возвращения в соответствующих частях статьи 10 Закона говорится о следующем:

«1. Лицо, ходатайствующее о признании беженцем, или признанное беженцем, или утратившее статус беженца, или лишенное статуса беженца, не может быть возвращено против его воли на территорию государства своей гражданской принадлежности или своего прежнего обычного местожительства при сохранении в данном государстве обстоятельств, предусмотренных подпунктом 1 пункта 1 статьи 1 настоящего Закона.

2. Любые решения, действия или бездействие федеральных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления или должностных лиц, связанные с исполнением настоящего Закона, могут быть обжалованы в вышестоящий по подчиненности орган или в суд.

3. Сроки подачи жалобы:

– один месяц со дня получения лицом уведомления в письменной форме о принятом решении или со дня истечения месячного срока после подачи жалобы, если лицом не был получен на нее ответ в письменной форме;

– три месяца со дня, когда лицу стало известно об отказе в признании беженцем (...)

5. Лицо, получившее уведомление об отказе в рассмотрении ходатайства о признании беженцем или об отказе в удовлетворении [вышеуказанного] ходатайства, либо лицо, получившее уведомление об утрате статуса беженца или о лишении [этого] статуса по обстоятельствам, предусмотренным пунктом 1 статьи 9 и подпунктом 2 пункта 2 статьи 9 настоящего Закона, и использовавшее право на обжалование [вышеуказанных решений] в соответствии с настоящей статьей, обязано покинуть территорию Российской Федерации совместно с членами семьи в течение трех дней со дня получения уведомления об отказе на жалобу при отсутствии у данных лиц иных законных оснований для пребывания на территории Российской Федерации».

d) Относительно депортации

35. Относительно условий депортации в соответствующих частях статьи 13 Закона говорится следующее:

«1. Лицо, получившее уведомление об отказе в рассмотрении ходатайства о признании беженцем по существу или об отказе в удовлетворении [вышеуказанного] ходатайства либо уведомление об утрате статуса беженца или о лишении [этого] статуса, не использующее право обжалования [вышеуказанных решений] и отказывающееся от добровольного выезда с территории Российской Федерации, выдворяется (депортируется) за пределы территории Российской Федерации совместно с членами семьи (...)

2. Лицо, обжаловавшее решение об отказе в рассмотрении ходатайства о признании беженцем по существу или об отказе в удовлетворении [вышеуказанного] ходатайства либо об утрате статуса беженца или о лишении [этого] статуса и получившее отказ на жалобу, а также не имеющее иных законных оснований для пребывания на территории Российской Федерации, выдворяется (депортируется) совместно с членами семьи за пределы территории Российской Федерации (...)

3. Лицо, лишенное статуса беженца или временного убежища в связи с его осуждением за совершение преступления на территории Российской Федерации, подлежит выдворению (депортации) за пределы территории Российской Федерации после отбытия наказания (...)

4. Лицо, утратившее временное убежище или лишенное временного убежища по обстоятельствам, предусмотренным пунктом 5 и подпунктом 2 пункта 6 статьи 12 настоящего Закона, не имеющее иных законных оснований для пребывания на территории Российской Федерации и отказывающееся от добровольного выезда, выдворяется (депортируется) за пределы территории Российской Федерации (...)

2. Постановление правительства № 274 от 9 апреля 2011 г. о предоставлении временного убежища

36. В пункте 7 Постановления правительства № 274 от 9 апреля 2011 года о предоставлении временного убежища дублируются положения Закона «О беженцах» относительно временного убежища и указывается, что временное убежище предоставляется в случае

необходимости лица, подавшего заявление, временно пребывать на территории Российской Федерации из гуманных причин до момента окончания действия таких причин или до момента изменения юридического статуса лица. Пункт 12 Постановления говорит о том, что временное убежище предоставляется сроком на один год, и что оно может продлеваться один или несколько раз на сроки, не превышающие один год. Соответствующее лицо должно подавать заявление о продлении в письменном виде, в котором оно указывает обстоятельства, требующие продления срока предоставления временного убежища.

3. Относительно судебного контроля на основании главы 25 Гражданского процессуального кодекса и закона о судебном контроле, которые действовали в момент событий

37. Глава 25 Гражданского процессуального кодекса (ГПК), действующая по состоянию на 15 сентября 2015 года, предусматривала процедуру обжалования в суде действий и решений должностных лиц, нарушающих права и свободы граждан, которая детально определена в законе № 4866-1 от 27 апреля 1993 года «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» (далее - «закон о судебном контроле»). ГПК и закон о судебном контроле предусматривают что гражданин вправе оспорить в суде решение или действие органа государственной власти или местного самоуправления, если считает, что такое решение или действие нарушили его права и свободы (статья 254 ГПК). Обжалование может касаться любого решения, действия или бездействия, которое нарушило права или свободы гражданина, которое препятствует осуществлению его прав и свобод, или которым на него была возложена обязанность, или он был привлечен к ответственности (статья 255 ГПК и статья 2 закона о судебном контроле).

38. Жалоба должна быть подана в суд общей юрисдикции в сроки до трех месяцев с момента, когда заявитель узнал о нарушении своих прав. Данные сроки могут быть продлены по уважительным причинам. Приняв жалобу к рассмотрению, суд по просьбе гражданина или по своей инициативе вправе приостановить исполнение обжалуемого действия или решения (пункт 4 статьи 254 ГПК и статья 4 закона о судебном контроле).

4. Определение Конституционного суда № 1317-О-П от 30 сентября 2010 года.

39. В своем Определении № 1317-О-П от 30 сентября 2010 года, Конституционный суд указал, что согласно подпункту 2 пункта 2 статьи 12 закона «О беженцах» и пункту 7 Постановления правительства № 274 от 9 апреля 2011 года отсутствие исчерпывающего перечня

обстоятельств, подпадающих под понятие «гуманные основания», не означает, что ответственные за исполнение законов органы имели неограниченную власть при принятии решения по данному вопросу. По мнению Конституционного суда, данное решение должно быть принято с учетом норм права и цели предоставления временного убежища, а также в соответствии с конституционными принципами, по которым права и свободы человека являются высшей ценностью.

III. ДОКУМЕНТЫ И ДОКЛАДЫ ПО ТУРКМЕНИСТАНУ

40. Ряд докладов, подготовленных до 2010 года по ситуации в Туркменистане, представлены в постановлении *Колесник против России* (№ 26876/08, пункты 54-58, от 17 июня 2010 г.).

A. Учреждения системы ООН

1. Комитет ООН по правам человека

а) Периодический доклад

41. В своих заключительных замечаниях по Туркменистану от 28 марта 2012 года (CCPR/C/SR.2887) Комитет по правам человека, позитивно оценивая вклад страны с момента первичного отчета 1998 года, все же отмечает следующие проблемы:

«5. Приветствуя присоединение государства-участника к Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах и приверженность государства-участника выполнению рекомендаций, содержащихся в представлении Комитета, принятом в соответствии с процедурой рассмотрения индивидуальных жалоб, Комитет выражает обеспокоенность по поводу отсутствия в государстве-участнике механизма по осуществлению содержащихся в представлении Комитета рекомендаций, а также по поводу неудовлетворительной степени выполнения содержащихся в представлении Комитета рекомендаций (статья 2). (...)

7. Отмечая факт создания Туркменского Национального института демократии и прав человека (НИДИПЧ), которому поручено действовать в качестве национального правозащитного учреждения, Комитет обеспокоен тем, что НИДИПЧ не является независимым, поскольку входит в организационную структуру администрации Президента (статья 2). (...)

9. Комитет выражает обеспокоенность по поводу участвовавших сообщений о пытках и случаях жестокого обращения в местах содержания под стражей, где такими методами зачастую получают признания от обвиняемых, а также отсутствием независимого органа по расследованию фактов злоупотреблений со стороны сотрудников правоохранительных органов и проведению регулярных посещений тюрем и других мест содержания под стражей. Комитет также выражает обеспокоенность по поводу отсутствия в законодательстве государства-участника определения пытки. Комитет также обеспокоен тем, что

международные наблюдатели, занимающиеся вопросами прав человека, лишены доступа к местам содержания под стражей (статья 7).

Комитет рекомендует государству-участнику:

а) внести изменения в Уголовный кодекс с целью включения в него определения пытки, соответствующего определению, которое содержится в Конвенции против пыток и других форм жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания;

б) принять надлежащие меры для прекращения применения пыток путем, в частности, создания независимого надзорного органа с целью проведения независимых проверок и расследования во всех местах содержания под стражей, где имеют место предполагаемые злоупотребления со стороны сотрудников правоохранительных органов;

в) обеспечить, чтобы сотрудники правоохранительных органов продолжали проходить подготовку по вопросам предотвращения пыток и жестокого обращения путем включения Руководства по эффективному расследованию и документальной фиксации случаев применения пыток и других форм жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания (Стамбульский протокол) от 1999 года во все учебные программы для сотрудников правоохранительных органов. Государству-участнику следует также обеспечивать эффективное расследование сообщаемых случаев применения пыток и жестокого обращения, привлечение к ответственности и наказание виновных, а также адекватную компенсацию жертвам;

г) разрешить представителям авторитетных международных гуманитарных организаций посещать все места содержания под стражей (...).

13. Комитет выражает обеспокоенность сообщениями о широко распространенной коррупции в судебной системе. Комитет также выражает беспокойство в связи с отсутствием независимой судебной власти, в частности в отношении срока полномочий судей, поскольку судьи назначаются Президентом на пять лет, и этот срок может быть продлен. Комитет обеспокоен тем, что такое отсутствие смены власти приводит к злоупотреблению влиянием исполнительной власти на правосудие (статьи 2 и 14) (...).

14. Положительно оценивая тот факт, что согласно статье 125 Уголовно-процессуального кодекса доказательств, полученные под принуждением, не имеют юридической силы, Комитет обеспокоен участвовавшими сообщениями о том, что судьи продолжают использовать в качестве доказательств показания, полученные под пытками (статьи 2 и 14)».

б) Индивидуальные жалобы

42. В представлении, принятом 24 июля 2008 года по делу *Леонида Комаровского против Туркменистана* (исковое заявление № 1450/2006), Комитет отмечает, что с 2002 года по 2003 год заявитель пребывал в тюрьме Министерства национальной безопасности Туркменистана в условиях, унижающих его человеческое достоинство, и что он был подвергнут пыткам и жестокому, бесчеловечному и унижающему достоинство обращению.

43. В представлении, принятом 25 марта 2015 года по делу *Татьяны Шихмурадовой (от имени мужа, Бориса Шихмурадова) против*

Туркменистана (исковое заявление № 2069/2011), Комитет изучил жалобу заявительницы, которая утверждала, что не видела своего мужа с момента его помещения в тюрьму в 2002 года в Туркменистане. Комитет отметил, что Туркменистан не представил ни одного доказательства того, что государство выполнило свои обязательства по защите жизни ее мужа на протяжении 12 лет с момента его осуждения, и что муж содержался в строгой изоляции. Кроме этого Комитет выразил сожаление, что Туркменистан не представил информацию о приемлемости и/или данные по существу жалобы заявителя.

44. В своем представлении, принятом 25 марта 2015 года по делу *Зафара Абдуллаева (Zafar Abdullayev) против Туркменистана* (исковое заявление № 2218/2012), Комитет изучил условия содержания в пенитенциарном учреждении ЛБК-12 города Сейди, в котором заявитель пребывал с 2012 года по 2014 год. В частности, заявитель сообщил о чрезмерной переполненности, о совместном содержании здоровых людей и больных туберкулезом или кожными заболеваниями, а также об отсутствии гигиенических условий и медицинской помощи. Он также жаловался на пытки и жестокое обращение со стороны работников пенитенциарного учреждения. Комитет отметил, что Туркменистан не предоставил доказательств, опровергающих утверждения заявителя, и подтвердил, что последний содержался в неприемлемых условиях и подвергался жестокому обращению во время пребывания в пенитенциарном учреждении ЛБК-12.

45. В своем представлении, принятом 1 апреля 2015 года по делу *Сапардурды Хаджиева (Sapardurdy Khadzhiyev) против Туркменистана* (исковое заявление № 2079/2011), Комитет отметил, что Туркменистан не предоставил информацию, опровергающую утверждения заявителя о том, что он подвергался пыткам и жестокому обращению во время пребывания в 2006 году в местах заключения Министерства национальной безопасности Туркменистана, и постановил о нарушении статьи 7 Пакта.

46. В своем представлении, принятом 29 октября 2015 года по делу *Махмуда Худайберганова (Mahmud Hudaiberjanov) против Туркменистана* (исковое заявление № 2221/2012), *Ахмета Худайберганова (Ahmet Hudaiberjanov) против Туркменистана* (исковое заявление № 2222/2012) и *Суннета Джаппарова (Sunnet Japparow) против Туркменистана* (исковое заявление № 2223/2012), Комитет изучил условия содержания в пенитенциарном учреждении ЛБК-12 города Сейди, в котором заявители находились с 2011 по 2012 год. Комитет отметил, что Туркменистан не предоставил ни одного опровержения утверждений заявителей, и постановил, что они содержались в вышеупомянутом учреждении в неприемлемых условиях.

2. Комитет против пыток

47. В заключительных замечаниях к первичному докладу Туркменистана, принятому в мае 2011 года (САТ/С/ТКМ/СО/1), Комитет против пыток выразил сожаление в связи с отсутствием в докладе статистической и фактической информации о реализации положений Конвенции и в связи с тем, что он был представлен с опозданием в 10 лет. Кроме того, Комитет выразил беспокойство по следующим вопросам:

«Механизмы рассмотрения жалоб и расследования; безнаказанность»

11. Комитет глубоко обеспокоен тем, что сообщаемые случаи применения пыток и жестокого обращения со стороны должностных лиц редко расследуются, а виновные редко привлекаются к ответственности и что, очевидно, вследствие атмосферы безнаказанности отсутствуют серьезные дисциплинарные меры или уголовное преследование в отношении должностных лиц, виновных в совершении деяний, указанных в Конвенции (статьи 2, 11, 12, 13 и 16). В частности, беспокойство Комитета вызывают следующие моменты:

а) отсутствие независимого и эффективного механизма получения и рассмотрения жалоб для проведения беспристрастного и полного расследования заявлений о применении пыток, в частности заявлений осужденных и лиц, задержанных до решения суда;

б) наличие информации, позволяющей предположить, что наличие серьезных конфликтов интересов не позволяет проводить эффективное и беспристрастное расследование по полученным жалобам при помощи имеющихся механизмов рассмотрения;

в) наличие сообщений, свидетельствующих о том, что никто из должностных лиц не был осужден за применение пыток, и что за последние 10 лет лишь четырем сотрудникам правоохранительных органов были предъявлены обвинения в совершении такого менее серьезного преступления, как "превышение служебных полномочий" согласно пункту 2 статьи 182 Уголовного кодекса;

г) отсутствие подробной информации, в том числе статистических данных, о количестве жалоб на применение пыток и жестокого обращения, с использованием всех имеющихся механизмов приема и рассмотрения жалоб, включая Национальный институт демократии и прав человека и Государственную комиссию по рассмотрению обращений граждан по вопросам деятельности правоохранительных органов, а также о результатах такого расследования, будь то расследование в уголовном или дисциплинарном порядке, и о решениях по таким расследованиям. В этой связи особое беспокойство Комитета вызывает дело Базаргельды и Айдыемал Бердыевых, в котором государство-участник отрицает подлинность ответа, якобы полученного ими от Национального института в 2009 году в связи с ранее поданной жалобой на применение пыток. (...)

Мониторинг и инспектирование мест лишения свободы

14. Отмечая осуществляемые Генеральной прокуратурой меры по мониторингу мест лишения свободы, Комитет выражает глубокую обеспокоенность тем, что в Туркменистане международные наблюдательные органы (как правительственные, так и неправительственные) не имеют доступа к местам

лишения свободы. Комитет отмечает, что государство-участник сотрудничает с Международным комитетом Красного Креста (МККК), который оказывает юридическую поддержку по гуманитарному праву и помощь другого характера. Наряду с этим, Комитет с тревогой отмечает, что государство-участник не предоставило МККК доступ к местам лишения свободы, несмотря на ряд рекомендаций международных органов, в том числе рекомендаций Генеральной Ассамблеи, содержащихся в ее резолюциях 59/206 и 60/172, как отмечалось в докладе Генерального секретаря (A/61/489, пункт 21). Комитет также выражает сожаление в связи с тем, что в течение длительного времени остается без ответа просьба о визите в страну девяти полномочных представителей по специальным процедурам Совета по правам человека, в частности Специального докладчика по вопросу применения пыток и других форм жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания и Рабочей группы по вопросам произвольных задержаний (статьи 2, 11 и 16). (...)

Смертные случаи в местах лишения свободы

16. Серьезное беспокойство Комитета вызывают многочисленные сообщения о ряде смертных случаев среди заключенных в местах лишения свободы и о предполагаемых препятствиях для проведения независимой патологоанатомической экспертизы в таких случаях, включая дело Огульсапар Мурадовой, которая на протяжении всего периода заключения была лишена связи с внешним миром и умерла в заключении при подозрительных обстоятельствах. Факты по этому делу, в том числе признаки применения пыток, достаточно хорошо задокументированы; об этом деле упоминали Генеральный секретарь (A/61/489, пункт 39) и специальные докладчики (A/HRC/WG.6/3/TKM/2, пункт 38) (статьи 2, 11, 12 и 16) (...)

Насилие в тюрьмах, включая изнасилование и сексуальное насилие

18. Комитет обеспокоен тем, что тюремный персонал продолжает допускать насильственные действия физического характера и психологическое давление, включая применение коллективного наказания, формы жестокого обращения в качестве "превентивных" мер, одиночное заключение, сексуальное насилие и изнасилование заключенных надзирателями или другими заключенными, что, как сообщалось, привело к самоубийству нескольких заключенных. В связи с избиением в феврале 2009 года одной из заключенных в женской тюремной колонии в Дашогузе Комитет с тревогой отмечает, что несмотря на то, что начальник колонии была уволена в связи с предъявленными ей обвинениями в получении взяток, уголовных санкций в отношении должностных лиц, ответственных за это насилие, вынесено не было (статьи 2, 11, 12 и 16). (...)

Условия содержания под стражей

19. Принимая во внимание планы правительства по строительству новых пенитенциарных учреждений, серьезное беспокойство Комитета по-прежнему вызывают материальные и санитарные условия в местах лишения свободы (недостаточное питание и слабое медицинское обслуживание, чрезвычайная переполненность, чрезмерные ограничения на посещения заключенных родственниками и т.д.) (статьи 11 и 16). (...)

Признания, полученные под принуждением

20. Комитет принимает во внимание наличие национальных законов, гарантирующих принцип недопустимости принятия судами показаний, полученных под принуждением, таких как статья 45 Конституции и пункт 1 статьи 25 Уголовно-процессуального кодекса. Наряду с этим, Комитет крайне

обеспокоен наличием многочисленных постоянных достоверных сообщений о том, что в судах государства-участника широко практикуется использование свидетельских показаний, полученных под принуждением, и что такая практика сохраняется благодаря безнаказанности виновных сторон. Беспокорство Комитета вызывает тот факт, что государство-участник не предоставляет информацию о должностных лицах, подлежащих преследованию и наказанию за получение таких признаний (статья 15). (...)

Отсутствие данных

25. Хотя было опубликовано Руководство Комитета относительно формы и содержания первичных докладов (CAT/C/4/Rev.3), и несмотря на его просьбы к государству-участнику представить Комитету статистическую информацию, Комитет вынужден с сожалением констатировать, что он получил лишь весьма ограниченную информацию, если не считать сведений о положениях законодательных актов. Отсутствие полной и детализированной информации о жалобах, расследовании, судебных процессах и приговорах по случаям, применения пыток и жестокого обращения сотрудниками правоохранительных органов, полной информации о соблюдении санитарных норм размера камер и о случаях смерти людей в заключении, а также данных о случаях предполагаемого применения пыток и насильственных исчезновений, включая сведения о местонахождении таких лиц, о чем упоминал Комитет, серьезно препятствует выявлению возможных видов систематических нарушений, требующих внимания (статьи 2, 12, 13 и 19)».

48. В письме от 23 мая 2014 года относительно исполнения заключительных замечаний в отношении Туркменистана, утвержденных Комитетом против пыток в мае 2011 года, докладчик запросил у правительства Туркменистана дополнительные уточнения по вопросам контроля и инспектирования мест содержания под стражей, а именно по следующим моментам:

– он выразил озабоченность по поводу того, что в состав министерских комиссий, посещающих места содержания под стражей, входят представители государственных органов, в том числе, органов, ответственных за исполнение закона, что ставит под сомнение их независимость, и попросил правительство Туркменистана уточнить, могут ли такие комиссии посещать все объекты без предупреждения, и с какой частотой могут проводиться такие посещения;

– он принял во внимание данные по посещению Международным комитетом Красного Креста (МККК) пенитенциарного центра Министерства внутренних дел в апреле 2012 года и призвал правительство Туркменистана уточнить, разрешено ли МККК посещать все пенитенциарные учреждения, как указано выше, и разрешено ли другим неправительственным организациям проводить такие визиты, а также сообщить о возможных датах и объектах;

– он отметил, что Туркменистан не предоставил ни одного ответа на запросы Специального докладчика ООН по вопросу применения пыток и членов Рабочей группы по вопросам произвольных задержаний на предмет посещения страны в соответствии с их полномочиями, и

призвал туркменские власти уведомить о принятии мер по упрощению таких визитов.

3. Рабочая группа по вопросу произвольных задержаний

49. В своих выводах, утвержденных на 71-ой сессии с 17 по 21 ноября 2014 года (A/HRC/WGAD/2014/40), Рабочая группа по вопросу произвольных задержаний выражает сожаление о том, что правительство Туркменистана не ответило на запросы, направленные ему в сообщении № 40/2014 от 16 сентября 2014 года, касающемся ситуации двух лиц, обвиняемых в мошенничестве по предварительному сговору и в хищении государственных средств. Группа пришла к выводу о том, что явные нарушения права на беспристрастное судебное разбирательство, на защиту, а также на свободу и безопасность данных лиц дают возможность говорить об их незаконном задержании.

4. Заместитель генерального секретаря по правам человека

50. 28 мая 2013 года Заместитель генерального секретаря по правам человека Иван Шимонович выступил с заявлением по результатам своего двухдневного визита в Туркменистан. Он заявил, что несмотря на определенный прогресс, Туркменистану еще предстоит пройти долгий путь по обеспечению защиты прав человека. Отметив изменения в законодательстве в части определения понятия пыток и в отношении принципа недопустимости принятия доказательств, полученных с использованием пыток, он подчеркнул, что эти нормы не применяются на практике. Он также сказал, что хотя Генеральный прокурор и несет ответственность за контроль над учреждениями содержания под стражей, Генеральная прокуратура не получала ни одной жалобы на возможное применение пыток от заключенных либо от их адвокатов, и что прокуратурой не было открыто ни одного уголовного дела по возможным фактам применения пыток.

В. Неправительственные организации

1. Amnesty International

51. В рамках процесса мониторинга исполнения заключительных замечаний, принятых в мае 2011 года Комитетом против пыток в отношении Туркменистана (CAT/C/TKM/CO/1), Amnesty International подготовила в мае 2012 года доклад о контроле и мониторинге мест содержания под стражей, в частности, и по этой стране. В своем докладе Amnesty International подчеркивает, что доступ к местам содержания под стражей строго контролируется туркменскими властями, что ответственность по контролю за ними лежит на Генеральной прокуратуре, и что некоторые пенитенциарные учреждения, такие, как

тюрьма Овадан-Депе, известны особо суровыми условиями; согласно информации Amnesty International, в состав комиссии, созданной указом президента от 31 марта 2010 года и уполномоченной рассматривать жалобы заключенных, должны были входить представители неправительственных организаций; однако ни один независимый представитель неправительственной организации не работает в стране, что, по мнению Amnesty International, ставит под сомнение независимость работы данной комиссии, в состав которой включены представители государственных органов. Amnesty International также отметила, что МККК не получил разрешение на посещение всех пенитенциарных учреждений.

52. В докладе 2014/2015 Amnesty International в отношении Туркменистана говорится следующее:

«Независимость судей была ограниченной. Отсутствовали полноценные процедуры обжалования решений, на уголовных процессах редко выносились оправдательные приговоры. Адвокатам, пытавшимся работать независимо, грозило лишение лицензии. Применение пыток и других форм жестокого обращения по-прежнему носило повсеместный характер. (...)

В сентябре 2013 года Туркменистан согласился с рекомендациями Совета ООН по правам человека о сотрудничестве с полномочными представителями по специальным процедурам ООН. Несмотря на это, власти жёстко ограничивали доступ в страну международных наблюдателей. Туркменистан не ответил на просьбы Amnesty International посетить страну, и к концу года 10 аналогичных просьб от полномочных представителей по специальным процедурам ООН остались без удовлетворения. (...)

Пытки и другие формы жестокого обращения

Из достоверных источников поступали сообщения о том, что к людям, подозреваемым в уголовных преступлениях, силовики применяли пытки и другие формы жестокого обращения. Жертвы подвергались различным формам жестокого обращения: в частности, их тянули плоскогубцами за гениталии, использовали к ним электрошок, избивали ножками от стульев и пластиковыми бутылками с водой. По информации из тюрем, заключённых заставляли глотать таблетки, угрожали их семьям; бывали случаи принудительного изнасилования одних заключённых другими; приговорённых к пожизненному заключению держали в кандалах. (...)

53. В докладе 2015/2016 Amnesty International в отношении Туркменистана говорится следующее:

«В 2015 году не произошло никаких видимых улучшений в ситуации с правами человека, и Туркменистан оставался закрытым для независимых международных наблюдателей. В январе власти объявили о планах учредить должность омбудсмена. Независимые организации гражданского общества по-прежнему не могли свободно действовать. (...)

Пытки и другие формы жестокого обращения

Как следовало из поступавших сообщений, в этом году правоохранители по-прежнему применяли пытки и другие формы жестокого обращения, чтобы выбивать из людей «признания» и показания против других людей. (...)

Насильственные исчезновения

Местонахождение задержанных, которые подверглись насильственному исчезновению после предполагаемого покушения в 2002 году на действующего на то время президента Сапармурата Ниязова, оставалось неизвестным. Власти не ответили на соответствующий запрос, который был подан в июне во время диалога Европейский Союз – Туркменистан, посвящённого вопросам прав человека. Вот уже 13 лет родственники задержанных ничего не знают об их местонахождении и состоянии».

2. Human Rights Watch

54. В соответствующих разделах всемирного доклада Human Rights Watch за 2015 год речь идет о следующем:

«В 2014 г. вопиющая ситуация с правами человека в Туркменистане значительным образом не улучшилась. Президент, его семья и окружение сохраняют полный контроль над всеми сферами общественной жизни. Правительство категорически не признает свободы собраний, выражения мнений и религии, страна закрыта для контроля извне. Родственники десятков людей, отправленных за решетку в период нескольких волн массовых арестов в конце 1990-х – начале 2000-х годов, не имеют никакой официальной информации о судьбе близких. Заявленная конституционная «реформа» не предполагает реального расширения основополагающих прав и свобод. (...)

Политзаключенные, насильственные исчезновения и пытки

По истечении более десяти лет после арестов и показательных процессов, прошедших во время нескольких волн репрессий при прежнем президенте Сапармурате Ниязове, больше десяти человек остаются жертвами насильственного исчезновения. В их числе бывший министр иностранных дел Борис Шихмурадов, его брат Константин, а также бывший посол Туркменистана в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) Батыр Бердиев. В 2014 г. Human Rights Watch получила неподтвержденную информацию о том, что несколько человек из пропавших умерли в местах лишения свободы. (...)

Пытки остаются серьезнейшей проблемой. В обнародованном в 2014 г. докладе коалиции независимых правозащитных групп «Покажите их живыми!» («Prove They Are Alive!») приводилось описание пыток в тюрьме Овадан-Депе, окруженной завесой секретности, где, как считается, содержатся многие из осужденных по политическим мотивам. Правительство упорно отказывает в доступе международным правозащитным наблюдателям, в том числе представителям Международного комитета Красного Креста и 10 полномочным представителям по специальным процедурам ООН».

3. Туркменская инициатива по правам человека и Международное партнерство по правам человека

55. В январе 2014 года в рамках мониторинга исполнения заключительных замечаний Комитета по правам человека относительно первичного отчета по Туркменистану (пункт 41 выше) две неправительственные организации – Туркменская инициатива по правам человека и Международное партнерство по правам человека,

представили совместный доклад. В своем докладе организации обратили внимание Комитета на следующие вопросы:

- определение понятия пыток в соответствии с Конвенцией против пыток и других форм жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания было внесено в уголовный кодекс Туркменистана, но реализация этого положения требует принятия ряда эффективных мер;

- не были предприняты действия по созданию независимого надзорного органа, уполномоченного проводить независимые инспекции во всех местах содержания под стражей, а туркменские власти продолжают вводить ограничения на такие визиты;

- не были предприняты действия в отношении расследования фактов сомнительного поведения сотрудников правоохранительных органов в местах содержания под стражей и наказания лиц, виновных в применении пыток и других форм жестокого обращения:

- несмотря на то, что туркменские власти разрешили МККК посетить два пенитенциарных центра (в июле 2011 г. и в апреле 2012 г.), МККК не получил разрешения беспрепятственно посещать все места содержания под стражей, тогда как это позволило бы осуществлять полный контроль, с соблюдением основных принципов, включая частные разговоры с заключенными и повторные посещения без ограничений.

IV. ПРОЧИЕ ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ДЕЛУ

56. Согласно пункту 2 статьи 228 Уголовного кодекса Туркменистана мошенничество, совершённое с отягчающими обстоятельствами, наказывается исправительными работами на срок от одного года до двух лет или лишением свободы на срок до пяти лет с конфискацией имущества или без таковой. Пункт 4 этой же статьи говорит о том, что мошенничество, совершённое с причинением ущерба в особо крупном размере, наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой.

57. 4 июня 2015 года Московский городской суд, в качестве апелляционного суда, рассмотрел жалобу г-жи Шихмурадовой против Министерства иностранных дел Российской Федерации, к которому предъявила иск заявительница по причине отсутствия помощи с его стороны в поиске информации у туркменских властей относительно ее супруга, М. Шихмурадова, осужденного к лишению свободы (см. также выводы Комитета ООН по правам человека по делу М. Шихмурадова в пункте 43 выше). В ходе рассмотрения дела суд установил, что представители Министерства иностранных дел Российской Федерации неоднократно пытались выйти на контакт со своими туркменскими коллегами с целью получения данных о месте пребывания и условиях

содержания супруга заявительницы, но их попытки не увенчались успехом. Суд также отметил, что аналогичный запрос был сделан во время визита Президента Российской Федерации Д. Медведева в Туркменистан с 21 по 22 октября 2010 года, и что от туркменских властей ответа не последовало. Принимая во внимание этот факт, суд отклонил жалобу заявительницы, считая, что российские власти, включая Министерство иностранных дел, предприняли все возможные шаги для получения информации о судьбе ее супруга.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

I. ОТНОСИТЕЛЬНО ВОЗМОЖНОГО НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

58. Заявительница утверждает, что в результате ее выдачи Туркменистану она будет подвержена обращению, противоречащему статье 3 Конвенции, которая предусматривает следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. Относительно приемлемости

59. Суд отмечает, что в соответствии с решением от 16 октября 2015 года ФМС предоставила временное убежище заявительнице до 16 октября 2016 года. Как следует из этого решения, федеральная миграционная служба не приняла во внимание тот факт, что в случае возвращения в Туркменистан для заявительницы будет существовать риск быть подвергнутой обращению, противоречащему статье 3, а временное убежище ей было предоставлено в связи с действиями суда в соответствии с правилом 39 Регламента суда и исходя из гуманных причин (см. пункт 26 выше).

60. Далее Суд отмечает, что, несмотря на тот факт, что российские власти приняли во внимание меры, вынесенные Судом во исполнение правила 39 своего Регламента, риск того, что заявительница будет выслана в Туркменистан, все еще присутствует, поскольку решение о ее экстрадиции остается в силе, а мера о предоставлении ей временного убежища истекла 16 декабря 2016 года. В этих условиях Суд полагает, что спор не разрешился, поэтому считает целесообразным продолжить дальнейшее рассмотрение жалобы.

61. Отмечая также, что данное исковое заявление не является явно необоснованным в соответствии с пунктом 3 а) статьи 35 Конвенции и

соответствует всем требованиям, Европейский Суд признает допустимым его рассмотрение.

В. По существу

1. Доводы сторон

а) Правительство

62. Правительство указывает на то, что ФМС, Генеральная прокуратура и суды тщательно изучили доводы заявительницы относительно риска жестокого обращения, которому она может быть подвержена в случае возвращения в Туркменистан, и отклонили их, признав их недоказанными и гипотетическими. Правительство полагает, что в ходе проведения различных внутренних процедур объяснения заявительницы о причинах выезда из Туркменистана были противоречивыми. В этой связи оно ссылается на решение Саратовского областного суда от 24 июня 2015 года, который установил, что заявительница приехала в апреле 2012 года в Россию, чтобы избежать возможной уголовной ответственности за мошенничество. Оно также уточнило, что не считает подозрительным тот факт, что уголовное делопроизводство было возбуждено туркменскими властями только в июле 2012 года, после отъезда заявительницы. Это было сделано с тем, чтобы предполагаемые жертвы мошенничества могли выждать определенный промежуток времени до подачи жалобы в судебные инстанции.

63. Кроме того Правительство заявляет, что Заместитель генерального прокурора Российской Федерации указал в своем решении от 12 мая 2015 года, что выдаче заявительницы не препятствуют нормы национального законодательства и международного права. Оно также утверждает, что ни Заместитель прокурора, ни российские национальные суды не имели причин для сомнений относительно гарантий, предоставленных туркменским прокурором в своем запросе на выдачу заявительницы. Оно уточняет, что данные гарантии являются не просто «дипломатическими заверениями, по определению Суда», а подтверждением взятых Туркменистаном обязательств в рамках Минской конвенции 1993 года и других международных договоров в сфере защиты прав человека. Оно также подчеркивает, что данные гарантии были предоставлены Генеральной прокуратурой Туркменистана, а не Министерством иностранных дел. В части возможности эффективного мониторинга соблюдения предоставленных Российской Федерации гарантий, Правительство считает, что данный вопрос несовместим с основными принципами международного права, которые запрещают вмешательство во внутренние дела суверенного государства.

в) Заявительница

64. Заявительница утверждает, что она столкнется с реальным риском жестокого обращения в случае исполнения решения о ее выдаче Туркменистану: она заявляет, что по возвращении в свою страну она будет арестована в рамках уголовного расследования против нее, и что таким образом она присоединится к числу незащищенных лиц, лишенных свободы в Туркменистане. Она считает, что Правительство не предоставило ни одного аргумента или доказательства в опровержение такого риска.

65. Ссылаясь на предыдущие решения Суда (см. выше *Колесник и Солдатенко против Украины*, № 2440/07 от 23 октября 2008 г., *Рябкин против России*, № 8320/04 от 19 июня 2008 г., и *Гарабаев против России*, № 38411/02 от 7 июня 2007 г.), заявительница утверждает, что с момента принятия в 2010 году решения по делу *Колесника* (см. выше) ощутимых изменений в сфере защиты прав человека в Туркменистане не произошло. В связи с этим она приводит цитаты из документов международных организаций, свежих докладов независимых организаций по защите прав человека, а также информацию из правительственных источников. В частности, она ссылается на доклад Рабочей группы Генеральной ассамблеи ООН по подготовке Универсального периодического обзора по Туркменистану от 5 июля 2013 г., на всемирный доклад 2015 Human Rights Watch, на доклад 2014/2015 Amnesty International, на доклады Туркменской инициативы по правам человека от ноября и декабря 2015 г., и на доклад по Туркменистану за 2014 год Государственного департамента США.

66. Относительно предоставленных туркменскими властями гарантий, заявительница утверждает, что они не соответствуют критериям, установленным Судом в его постановлении *Отман (Абу Катада) Othman (Abu Qatada) против Великобритании* (№ 8139/09, пункт 189, ЕСПЧ 2012 (выдержки)). По словам заявительницы, невозможно объективно проверить соблюдение таких гарантий на практике посредством дипломатических визитов либо визитов представителей международных правительственных или неправительственных организаций.

2. Мнение Суда**а) Общие принципы**

67. Суд напоминает, что договаривающиеся государства имеют право, в соответствии с общепринятыми принципами международного права и без ущерба для своих обязательств в рамках договоров, включая Конвенцию, контролировать въезд, пребывание и высылку иностранцев на своей территории (см., среди последних постановлений, *F.G. против Швеции* [GC], № 43611/11, пункт 111, ЕСПЧ 2016). Однако, в

соответствии с прецедентной практикой Суда, выдача или высылка лица государством может создать проблему с точки зрения статьи 3 Конвенции, и, следовательно, повлечь ответственность государства в соответствии с Конвенцией, так как имеются существенные основания полагать, что в результате высылки человека в страну своего пребывания он подвергнется там реальному риску обращения, противоречащего статье 3. В данном случае статья 3 предполагает отказ от выдачи такого лица в эту страну (*Серинг (Soering) против Великобритании*, от 7 июля 1989 г., пункты 90-91, серия А № 161, *Вильвараджа (Vilvarajah) и другие с против Великобритании*, от 30 октября 1991 г., пункт 103, серия А № 215, и *Салах Шик (Salah Sheekh) против Нидерландов*, № 1948/04, пункт 135, от 11 января 2007 г.).

68. С целью определения, будет ли заявитель в случае его выдачи или высылки подвержен реальному риску обращения, противоречащего статье 3, Суд принимает во внимание все предоставленные или полученные самостоятельно материалы (*H.L.R. против Франции*, от 29 апреля 1997 г., пункт 37, *Сборник постановлений и решений 1997-III*, и *Салах Шик*, см. выше, пункт 136). Для оценки существования данного риска необходимо учитывать, в первую очередь, обстоятельства, о которых это государство знало или должно было знать в момент выдачи или высылки (*Вильвараджа и другие*, см. выше, пункт 107, *Рябкин*, см. выше, пункт 111). Однако если выдача не происходит в ходе рассмотрения дела Судом, он должен приступить к изучению с точки зрения настоящих событий, принимая во внимание предшествующие факты, с учетом их влияния на текущую ситуацию (*Чахал (Chahal) против Великобритании*, от 15 ноября 1996 г., пункты 85-86, *Сборник постановлений и решений 1996-V*).

69. Рассмотрение вопроса должно основываться на прогнозируемых последствиях возвращения заявителя в страну, которая запрашивает его выдачу или высылку, с учетом общей ситуации в данной стране и индивидуальных обстоятельств заявителя (*Вильвараджа и другие*, см. выше, пункт 108, и *Умиров против России*, № 17455/11, пункт 94, от 18 сентября 2012 г.).

70. Что касается общей ситуации в конкретной стране, Суд может придавать определенное значение информации, содержащейся в последних докладах независимых организаций, защищающих права человека, или информации, полученной из государственных источников (см. выше, например, *Чахал*, пункты 99-100, *Муслим (Müslim) против Турции*, № 53566/99, пункт 67, от 26 апреля 2005 г., и *Саид (Said) против Нидерландов*, № 2345/02, пункт 54, ЕСПЧ 2005-VI).

71. Согласно процедуре, заявитель должен представить доказательства, которые могут подтвердить наличие серьезных оснований полагать, что в случае исполнения оспариваемой меры он будет подвержен реальному риску обращения, противоположного

описанному в статье 3 (*J.K. и другие против Швеции* [GC], № 59166/12, пункт 91, ЕСПЧ 2016, *H (N.) против Финляндии*, № 38885/02, пункт 167, от 26 июля 2005 г.). После получения таких доказательств Правительству следует развеять все возможные сомнения (*Saadi* *против Италии* [GC], № 37201/06, пункт 129, ЕСПЧ 2008, *Рябкин*, см. выше, пункт 112).

72. Относительно оценки предоставленных принимающим государством гарантий Суду необходимо следовать принципам, определенным в этой связи в постановлении по делу *Отман (Абу Катада)* (см. выше, пункты 187-189).

в) Применение вышеупомянутых принципов к настоящему делу

73. Суд напоминает, что он уже выносил решения относительно нарушений статьи 3 Конвенции по ряду дел в связи с риском быть подверженным жестокому обращению по лицам, подлежащим выдаче или высылке из России или из другого государства – члена Европейского Совета в Туркменистан (*Колесник*, см. выше, пункты 67-74, от 17 июня 2010 г., *Солдатенко*, см. выше, пункты 70-75, *Рябкин*, см. выше, пункты 115-122, *Гарабаев*, см. выше, пункты 77-83). Исходя из различных источников, включая доклады органов системы ООН и неправительственных международных организаций, Суд отмечает, что общая ситуация с правами человека в Туркменистане угрожающая. В частности, он учел ряд доказательств, а именно: достоверную информацию о продолжающемся применении пыток, жестокого обращения и применения силы со стороны туркменских властей по отношению к лицам, преследуемым в уголовном порядке; крайне неудовлетворительные условия содержания под стражей; дискриминацию и незащищенность лиц нетуркменского происхождения; совокупный эффект неудовлетворительных условий содержания и длительности заключения в местах лишения свободы; систематический отказ туркменских властей в допуске международных наблюдателей или неправительственных организаций для мониторинга мест содержания под стражей. Суд постановил, что любое лицо, находящееся под стражей в Туркменистане по уголовным обвинениям, сталкивается с реальным риском быть подверженным обращению, противоречащему статье 3 Конвенции.

74. Суду в данном случае необходимо изучить наличие улучшений в сфере прав человека в Туркменистане с момента принятия его постановления по делу *Колесника* в 2010 году. Он отмечает, что есть некоторые улучшения в плане сотрудничества туркменских властей с органами ООН. В частности, правительство Туркменистана представило первичные отчеты в рамках Международного пакта о гражданских и политических правах и Конвенции против пыток и других форм жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство

обращения и наказания (пункты 41 и 47 выше). Из этих данных, предоставленных Комитету по правам человека и Комитету против пыток, следует, что туркменские власти внесли ряд законодательных и административных изменений в сфере борьбы с применением пыток и жестокого обращения, такие как контроль и мониторинг мест содержания под стражей, а также разрешили МККК посетить два места содержания под стражей в 2011 и в 2012 годах. (пункты 48, 51 и 55 выше).

75. Однако, учитывая масштабные недостатки, отмечавшиеся как представителями органов системы ООН, так и представителями неправительственных организаций, Суд не может отметить, что данные достижения отражают существенные изменения в области защиты прав человека и, в частности, что касается предотвращения применения пыток или жестокого обращения, которым подвергаются лица, задержанные в связи с уголовными обвинениями в Туркменистане. Он отмечает, что заключительные замечания Комитета против пыток и Комитета по правам человека в докладах по Туркменистану, утвержденных в 2011 и в 2012 годах, констатируют, что имели место случаи применения пыток и жестокого обращения в туркменских тюрьмах. Кроме того, согласно этим наблюдениям, в стране отсутствует независимый и эффективный механизм приема и беспристрастного и полного расследования жалоб о применении пыток, в частности, от осужденных и от лиц, находящихся в предварительном заключении (пункты 41 и 47 выше). Суд не считает, что реализация рекомендаций, сформулированных в заключительных замечаниях, была эффективной, так как постоянно выявлялись недостатки: в 2012 году - организацией Amnesty International (пункт 51 выше); в 2013 году - Заместителем генерального секретаря по правам человека (пункт 50 выше); в 2014 году - докладчиком Комитета против пыток (пункт 48 выше) и неправительственными организациями Туркменской инициативы по правам человека и Международного партнерства по правам человека (пункт 55 выше). Amnesty International и Human Rights Watch в своих докладах по 2014 и 2016 годам отмечают отсутствие каких-либо улучшений в сфере прав человека, а также тот факт, что Туркменистан остается закрытой страной для независимых наблюдателей (пункты 52-54 выше).

76. Учитывая эти моменты, Суд считает, что ни одно из обстоятельств, принятых во внимание в постановлениях, которые приведены в пункте 73, не утратило свою актуальность на момент изучения настоящего дела. Он делает вывод о том, что для любого человека, арестованного по уголовным обвинениям в Туркменистане, существует реальный риск подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 Конвенции.

77. Суд отмечает, что туркменские власти распорядились о задержании заявительницы (см. пункт 8 выше). Выдача заявительницы запрашивается на основании пункта 2 и пункта 4 статьи 228 Уголовного кодекса Туркменистана, который в данном случае предусматривает наказание в виде лишения свободы до пятнадцати лет (пункты 10 и 56 выше). По мнению Суда, скорее всего, после выдачи заявительницы и возвращения в Туркменистан она будет задержана и столкнется с реальным риском быть подвергнутой жестокому обращению.

78. Учитывая такую ситуацию, Суду необходимо рассмотреть, устраняется ли реальный риск жестокого обращения для заявительницы на основании гарантий, содержащихся в запросе о ее выдаче. Он отмечает, что правительство придает особое значение таким гарантиям и подтверждает, вместе с этим, что требование о механизме мониторинга их соблюдения на практике в такой стране нарушило бы принципы государственного суверенитета, закрепленные международным правом (пункт 63 выше).

79. Прежде всего Суд отмечает, что аргументы Правительства относительно предполагаемого конфликта между возможностью мониторинга исполнения данных гарантий и принципом государственного суверенитета не подкреплены соответствующими примерами из международной и национальной судебной практики. Он ссылается на свою судебную практику, демонстрирующую противоположные примеры (*Савриддин Джураев против России* № 71386/10, пункт 254, ЕСПЧ 2013 (выписки), со ссылками в нем, и *Отман (Абу Катада)*, см. выше, пункты 80-81 и 141-154).

80. Что касается качества предоставленных гарантий, Суд напоминает, что некоторые факторы, перечисленные в пункте 189 постановления по делу *Отман (Абу Катада)* (см. выше), учитываются для оценки их надежности. В постановлениях по делам, касающимся выдачи лиц Туркменистану, Суд не посчитал надежными гарантии, предоставленные Генеральной прокуратурой Туркменистана, из-за отсутствия механизма контроля их добросовестного исполнения на практике (*Колесник*, см. выше, пункт 73, *Солдатенко*, см. выше, пункт 73, и *Рябкин*, пункт 120). В данном случае Суд считает, что российское правительство не продемонстрировало ни существование такого механизма, ни способность Генеральной прокуратуры Туркменистана обязывать само государство, ни исполнение предыдущих аналогичных гарантий.

81. В связи с этим Суд отмечает, что готовность туркменских властей сотрудничать с международными контролирующими организациями (такими, как неправительственные организации по защите прав человека) крайне ограничена. В частности, Комитет против пыток выразил сожаление о том, что отчет Туркменистана не содержал «достаточно статистической и достоверной информации» по

исполнению Конвенции против пыток (пункт 47 выше). В своих замечаниях относительно индивидуальных жалоб, поданных Комитету по правам человека, туркменское правительство не представило ни одного доказательства для опровержения заявлений о неудовлетворительных условиях содержания под стражей и о жестоком обращении в отношении заключенных (пункты 42-46 выше); аналогичная ситуация сложилась и относительно Рабочей группы по вопросам произвольных задержаний (пункт 49 выше). Туркменистан не дал ответы ни на запрос Специального докладчика ООН по вопросу применения пыток, ни на запросы представителей Рабочей группы по вопросам произвольных задержаний относительно посещения страны в соответствии с их полномочиями, ни на запросы Amnesty International (пункты 48 и 52 выше). Суд также отметил, что туркменские власти очень неохотно идут на сотрудничество в сфере соблюдения прав человека в двустороннем плане: этот вывод следует из решения Московского суда от 4 июня 2015 года, согласно которому они отказались предоставлять какую-либо информацию о судьбе заключенного в Туркменистане, несмотря на неоднократные просьбы российского Министра иностранных дел (пункт 57 выше).

82. Таким образом, Суд считает, что предоставленные Генеральной прокуратурой Туркменистана гарантии не являются надежными, соответственно, они не устраняют реальный риск для заявительницы быть подверженной жестокому обращению в случае ее возвращения в Туркменистан.

83. Таким образом, Суд пришел к выводу, что выдача заявительницы Туркменистану будет являться нарушением статьи 3 Конвенции.

II. ОТНОСИТЕЛЬНО ПРЕДПОЛАГАЕМОГО НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 13 В СОЧЕТАНИИ С НАРУШЕНИЕМ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

84. Заявительница утверждает, что ее жалобы на предмет риска жестокого обращения, которому она может быть подвержена по возвращении в Туркменистан, не были должным образом рассмотрены государственными органами, что, по ее словам, является нарушением статьи 13 в сочетании со статьей 3 Конвенции. В статье 13 речь идет о следующем:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в (...) Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

А. По приемлемости

85. С учетом своих выводов относительно обоснованности жалобы в соответствии со статьей 3 Конвенции, Европейский Суд считает, что жалоба заявительницы содержала обоснованное требование, и что статья 13 в связи с этим применима.

86. Подчеркнув и отметив, что жалоба не является явно необоснованной в соответствии с пунктом 3 статьи 35 Конвенции, и не противоречит какому-либо иному основанию неприемлемости, Суд считает ее приемлемой.

В. По существу

1. Доводы сторон

87. Правительство заявляет, что утверждения заявительницы относительно риска жестокого обращения, которому она может быть подвержена в случае возвращения в Туркменистан, были должным образом изучены Генеральной прокуратурой, Федеральной миграционной службой и российскими судами.

88. Заявительница оспаривает доводы Правительства. Что касается процедуры выдачи, она подчеркивает, что прокурор, предоставляя разрешение на ее экстрадицию своим решением от 12 мая 2015 года, не рассмотрел вопрос о том, приведет ли она к риску жестокого обращения. По ее мнению, ссылку на отсутствие препятствий для выдачи нельзя считать детальным анализом ситуации в запрашивающей выдачу стране, а также личных обстоятельств заявительницы. При рассмотрении ее жалобы на решение от 12 мая 2015 года национальным судам также не удалось провести такой анализ: они в основном полагались на гарантии властей Туркменистана.

89. Ссылаясь на постановление *Гебремедин [Габерамадхин] (Gebremedhin [Gaberamadhién]) против Франции* (№ 25389/05, ЕСПЧ 2007-II), заявительница утверждает, что процедура получения ею статуса беженца была также неэффективной. Она указывает, что ФМС в своем решении от 5 декабря 2014 года, упомянув серьезные проблемы в сфере прав человека в Туркменистане, все же не учла их при рассмотрении её запроса. Она утверждает, что была лишена возможности обжаловать решение от 5 декабря 2014 года в вышестоящих органах из-за того, администрация тюрьмы потеряла ее жалобу. В любом случае, по мнению заявительницы, ее средство правовой защиты было обречено на неудачу, так как уже в феврале 2015 года Главное управление ФМС оставило в силе решение от 5 декабря 2014 года в соответствии с заявлением Генеральной прокуратуры России. Тем не менее, заявительница утверждает, что существует

административная практика ФМС отказывать в предоставлении статуса беженцев выходцам из стран Центральной Азии.

90. Относительно процедуры получения временного убежища, заявительница утверждает, что решение ФМС от 16 октября 2015 года, которым ей предоставлялось временное убежище сроком на один год, не соответствовало требованиям принципа эффективного обжалования. В частности, в ходе судебного производства не был произведен анализ ее личной ситуации в отношении риска, которому она подверглась бы в случае ее выдачи Туркменистану, а лишь учитывалась необходимость сохранения родственных связей и выполнения обеспечительной меры, требуемой Судом согласно правилу 39 его Регламента.

2. Мнение Суда

а) Общие принципы

91. В соответствии со статьей 1 Конвенции, за обеспечение исполнения и контроля в сфере прав и свобод человека отвечают, в первую очередь, национальные органы власти. Механизм подачи жалобы в Европейский Суд имеет субсидиарный характер по отношению к национальным системам защиты прав человека. Такой принцип субсидиарности выражается в статьях 13 и 35 (1) Конвенции (*Кудла (Kudla) против Польши* [GC], № 30210/96, пункт 152, ЕСПЧ 2000-XI).

92. Суд неоднократно указывал на то, что статья 13 Конвенции гарантирует право на внутреннее эффективное средство правовой защиты с целью использования прав и свобод по определению Конвенции. Таким образом, данное положение требует наличия средств правовой защиты в государственном органе, который может изучить «спорную жалобу» с учетом положений Конвенции и предоставить соответствующую помощь. Объем обязательств, которые статья 13 налагает на договаривающиеся государства, варьируется в зависимости от характера жалобы заявителя. Действительно, государства располагают определенной свободой в отношении способа исполнения обязательств в соответствии с этим положением (*Джабару (Jabari) против Турции*, «40035/98, пункт 48, ЕСПЧ 2000-VIII). Но в любом случае, средство правовой защиты согласно статье 13 должно быть «эффективным» как на практике, так и в законодательной сфере (*Кудла*, см. выше, пункт 157).

93. Эффективность средства правовой защиты в значении статьи 13 не зависит от определенно положительного результата для заявителя. Аналогичным образом, «государственный орган», о котором говорится в положении, не должен быть обязательно судебным. Тем не менее, учитываются именно его полномочия и процессуальные процедуры при определении эффективности (*Класс (Klass) и другие против Германии*,

от 6 сентября 1978 г., пункт 67, серия А № 28). Если речь идет о несудебных «государственных органах», Суд акцентирует внимание на проверке их независимости (см, например, *Леандер (Leander) против Швеции*, от 26 марта 1987 г., пункты 77 и 81-83, серия А № 116, *Хан (Khan) против Великобритании*, № 35394/97, пункты 44-47, ЕСПЧ 2000-V), а также процедурные гарантии в отношении заявителей (см., «с соответствующими изменениями» (*mutatis mutandis*), *Чахал*, см. выше, пункты 152-154).

94. Процесс судебного контроля, по сути, заключается в наличии эффективного средства правовой защиты по определению статьи 13 Конвенции, в рассмотрении жалоб по вопросам выдачи или высылки, так как судебные инстанции, благодаря своим неограниченным полномочиям, имеют возможность эффективного контроля законности решений исполнительной власти как с материально-правовой точки зрения, так и процедурной, а также, при необходимости, они имеют право отменять решения (*Тершиев (Tershiyev) против Азербайджана*, № 10226/13, пункт 71, от 31 июля 2014 г.).

95. Кроме того, все средства правовой защиты в соответствии с национальным законодательством могут удовлетворять требованиям статьи 13, даже если ни одно из них по отдельности не отвечает ее положениям полностью (*Ротару (Rotaru) против Румынии* [GC], № 28341/95, пункт 69, ЕСПЧ 2000-V).

96. Объем обязательства, которые статья 13 налагает на договаривающиеся государства, варьируется в зависимости от характера жалобы заявителя. В случае если речь идет о жалобе, по которой выдача заявителя приведет к реальному риску быть подверженным обращению, противоречащему статье 3 Конвенции, ввиду важности, по мнению Суда, данного положения, и необратимого характера ущерба, который может быть причинен в случае реализации риска быть подверженным пыткам или жестокому обращению, эффективность средства правовой защиты по определению статьи 13 требует обязательного тщательного контроля со стороны государственного органа (*Шамаев (Chamaïev) и другие против Грузии и России*, № 36378/02, пункт 448, ЕСПЧ 2005-III), строгого и объективного рассмотрения всех жалоб, по которым имеются предположения в существовании риска обращения, противоречащего статье 3 (*Джабари*, см. выше, пункт 50), а также ускоренного рассмотрения (*Бати (Bati) и другие против Турции*, №№ 33097/96 и 57834/00, пункт 136, ЕСПЧ 2004-IV и *Де Соуза Рибейро (De Souza Ribeiro) против Франции* [GC], № 22689/07, пункт 81, ЕСПЧ 2012).

97. В таких случаях в целях эффективности необходимо, чтобы средство правовой защиты имело приостанавливающее действие (*Габремедин [Габерамадхин]*, см. выше, пункт 66, *Хирси Джамаа (Hirsi Jamaa) и другие против Италии* [GC], № 27765/09, пункт 200, ЕСПЧ

2012). Требования статьи 13, как и других положений Конвенции, являются скорее гарантией, чем просто искренним желанием или практическим соглашением. Данные требования являются результатом верховенства права, одним из фундаментальных принципов демократического общества, присущих всем статьям Конвенции, что и привело Суд к решению отклонить аргументы о том, что приостанавливающее действие может гарантироваться наличием административной «практики» или иным образом (*Чонка (Çonka) против Бельгии*, № 51564/99, пункты 81-83, ЕСПЧ 2002-I, *Гебремедин [Габерамадхин]*, см. выше, пункт 66, *М.А. против Кипра*, № 41872/10, пункт 137, ЕСПЧ 2013 (выдержки)). Суд постановил, что не исключено, что в системе, где отсрочка предоставляется по запросу, в зависимости от обстоятельств, в ней может быть отказано неправомерно (*Чонка (Çonka) против Бельгии*, см. выше, пункт 82).

98. Статья 13 Конвенции не обязывает договаривающиеся государства создавать двухуровневые судебные инстанции для дел такого типа, достаточно просто иметь внутреннее эффективное средство правовой защиты, которое бы отвечало требованиям этого положения, а именно, эффективности; то есть средство правовой защиты, которое позволяет осуществлять тщательный контроль и строгое изучение обвинений относительно риска обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, и которое бы обладало автоматическим приостанавливающим действием в отношении оспариваемых мер (*А.М. против Нидерландов*, № 29094/09, пункты 62 et 70, от 5 июля 2016 г.).

99. Те же принципы применяются в случае, когда в результате высылки угрозе подвергается право на жизнь заявителя, которое гарантирует статья 2 Конвенции (*Л.М. и другие против России*, №№ 40081/14, 40088/14 и 40127/14, пункт 108, от 15 декабря 2015 г.).

б) Применение вышеупомянутых принципов в данном случае

i. Процедура экстрадиции

100. Суд отмечает, что заявительница выдвигает на первый план риск жестокого обращения, которому она может быть подвержена в Туркменистане после пересмотра решения о ее выдаче от 12 мая 2015 года. Таким образом, следует внимательно изучить, являлся ли такой пересмотр решения средством правовой защиты, соответствующим вышеуказанным критериям эффективности.

а) «Автоматическое приостанавливающее действие»

101. Суд отмечает, что в соответствии со статьями 462 и 463 УПК Российской Федерации любое решение Генерального прокурора или его заместителя относительно выдачи лица другому государству может

быть обжаловано в соответствующих судах второй инстанции, а такое средство правовой защиты обладает автоматическим приостанавливающим действием (пункт 27 выше). Данный случай является прямым примером, поскольку заявительница, обжаловав решение о выдаче в суде, воспользовалась эффектом такого приостанавливающего действия в отношении процедуры ее выдачи до 24 сентября 2015 года.

β) «Независимое и тщательное изучение»

102. В соответствии с Постановлением Верховного Суда Российской Федерации № 11 от 14 июня 2012 года «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» региональные суды обязаны проверять, подвержен ли заявитель риску применения в отношении него пыток или бесчеловечного либо унижающего человеческое достоинство обращения или наказания в государстве, требующем его выдачу, и в таком случае запрещать такую выдачу (пункт 29 выше). В этих условиях Суд считает, что российские национальные суды, занимающиеся обжалованием решений о выдаче, должны иметь как минимум необходимую компетентность и возможность проведения эффективного «независимого и тщательного изучения» жалобы, где есть основания предполагать существование риска обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, а также обеспечить соответствующую защиту, а именно - признать решение о выдаче недействительным и таким образом предотвратить заявленный риск жестокого обращения (см. выше по данному вопросу *Савридин Джураев*, пункт 259).

103. Тем не менее, Суд полагает, что в данном случае такое изучение на практике не было проведено. Действительно, заявительница представила государственному суду доказательства того, что у нее были серьезные основания полагать, что в случае исполнения решения о ее выдаче, она будет подвержена реальному риску жестокого обращения. После подачи таких доказательств суду следовало изучить предполагаемые последствия выдачи заявительницы в страну ее пребывания, учитывая общую ситуацию в данном государстве и личные обстоятельства заявительницы. Но государственный суд отклонил доводы заявительницы относительно риска только потому, что они были основаны на обычных предположениях (пункты 19 и 22 выше). Суд считает, что такой подход не соответствует критериям тщательного изучения. Он подтверждает, что требовать от лица предоставления «неопровержимых» доказательств существования риска жестокого обращения в стране, запрашиваемой выдачу, означает требовать от нее доказать будущее событие, что является невозможным и побуждает

заявительницу к действию, которое невозможно выполнить (см. по данному вопросу статью 3 Конвенции, *Рустамов против России*, № 11209/10, пункт 117, от 3 июля 2012 г.).

104. И наконец, до того, как российские суды заявили о достаточности гарантий со стороны туркменской власти, они даже не приступали к изучению таких гарантий в разрезе соответствующих критериев, приведенных в пункте 80 настоящего постановления. В частности, они не пытались определить, будет ли соблюдение предоставленных Генеральным прокурором Туркменистана гарантий объективно проверено на практике с помощью механизмов контроля, и был ли Генеральный прокурор Туркменистана вправе принимать обязательства от имени государства, и соблюдались ли аналогичные гарантии, предоставленные в прошлом.

105. Таким образом, Суд считает, что в рамках пересмотра решения от 12 мая 2015 года относительно выдачи заявительницы тщательного изучения жалобы заявительницы по вопросу риска жестокого обращения, возможного в случае выдачи ее Туркменистану, не было проведено.

ii. Прочие процедуры

106. Суд подчеркивает, что заявительница имела возможность подать ходатайство о предоставлении статуса беженца и временного убежища и что в этой связи она могла подать жалобу о риске жестокого обращения в случае выдачи ее обратно в Туркменистан, а из судебной практики Верховного Суда следует, что предоставление статуса беженца или временного убежища исключает экстрадицию (пункт 29 выше). Далее он напоминает, что все средства правовой защиты в соответствии с национальным законодательством могут удовлетворять требованиям статьи 13, даже если ни одно из них по отдельности не отвечает ее положениям полностью. Таким образом, Суду необходимо проверить, повлиял ли факт доступа заявительницы к этим процедурам на приостановление процедуры выдачи, как отмечалось выше.

а) Процедура получения статуса беженца

107. Согласно статье 1 (1-1) Закона «О беженцах» процедура получения статуса беженца для заинтересованного лица заключается в определении наличия или отсутствия «обоснованного опасения» преследования в стране своего прежнего проживания или в стране своей гражданской принадлежности «по признаку расы, религии, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений». Эта процедура, на первый взгляд, дает возможность государственным органам для рассмотрения вопроса подверженности заявителя риску жестокого

обращения в случае возвращения в страну назначения и предоставления ему соответствующего статуса беженца.

108. Тем не менее, Суд неоднократно подчеркивал в делах, касающихся выдачи лиц, что российские власти строго трактуют подпункт 1 пункта 1 статьи 1 Закона «О беженцах», применяя ее положения только в случае утверждений о риске быть подверженным жестокому обращению по причинам, перечисленным в статье (см. в качестве примеров *Тургунов против России*, № 15590/14, пункты 20-24, от 22 октября 2015 г., *Халиков против России*, № 66373/13, пункты 21-24, от 26 февраля 2015 г., *Мамажонов против России*, № 17239/13, пункты 42-47, от 23 октября 2014 г., *Мамадалиев против России*, № 5614/13, пункты 29-33, от 24 июля 2014 г., *Кадиржанов и Мамашев против России*, №№ 42351/13 и 47823/13, пункты 53, 60 и 63, от 17 июля 2014 г., *Ермаков против России*, № 43165/10, пункты 30-42, от 7 ноября 2013 г., *Саериддин Джураев*, см. выше пункты 27-29, *Махмуджан Эргашев против России*, № 49747/11, пункты 20-23 и 28-29, от 16 октября 2012 г., и *Абдулхаков против России*, № 14743/11, пункты 33-39, от 2 октября 2012 г.). Он уточняет, что именно эта ситуация имела место и в данном случае: Региональное управление ФМС отклонило ходатайство заявительницы, не изучив специфические последствия такого действия, а именно что, как утверждала заявительница, в случае возвращения в Туркменистан она будет арестована, что подвергнет опасности ее жизнь. Региональное управление ФМС ограничилось лишь констатацией отсутствия серьезных опасений того, что в этой стране заявительница будет подвергаться преследованию или наказанию по признаку расы, религии, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений (пункты 12-13 выше). Данное решение было вынесено Главным управлением ФМС в феврале 2015 года (пункт 16 выше).

109. Принимая во внимание все факты, Суд считает, что в ходе процедуры предоставления статуса беженца не производилось тщательного изучения жалобы заявительницы относительно риска быть подверженной обращению, противоречащему статье 3 Конвенции, в случае ее возвращения в Туркменистан.

110. Также Суд считает, что процедура судебного разбирательства, предусмотренная статьей 254 ГПК, которой мог воспользоваться получивший отказ заявитель, не имела приостанавливающего действия: суд не был обязан приостанавливать исполнение оспариваемого постановления или решения (пункт 38 выше). Хотя пункт 26 Постановления Верховного Суда Российской Федерации № 11 от 14 июня 2012 года и предусматривает, что выдача лица «де факто» (*de facto*) откладывается «до момента принятия решения по его ходатайству [о предоставлении статуса беженца или временного убежища] или до окончания процедуры обжалования возможного решения об отказе в

удовлетворении его ходатайства [о предоставлении статуса беженца или временного убежища]» (пункт 29 выше). Однако юридическое обоснование такой практики и ее общее применение вызывает сомнение, а в пункте 26 в этом отношении отсутствует ссылка на какую-либо норму национального законодательства - упоминаются лишь некоторые нормы международного права. Суд считает, что для того, чтобы соответствовать требованиям статьи 13 Конвенции, «отлагательный эффект» средства правовой защиты государства должен иметь «приостанавливающее действие», то есть он должен быть четко и недвусмысленно закреплен в национальном законодательстве. В остальном, даже если бы существовала административная или иная практика не высылать лицо во время процедуры обжалования отрицательного решения по ходатайству о предоставлении статуса беженца, Суд напоминает, что «требования статьи 13, как и другие положения Конвенции, являются гарантией, а не просто искренним желанием или практическим соглашением» (*Гебремедин [Габерамадхин]*, см. выше, пункт 66).

111. Принимая во внимание данные факты, Суд считает, что в отношении процедуры предоставления статуса беженца заявительнице государственные органы на практике не провели тщательного изучения жалобы заявительницы на предмет риска быть подверженной обращению, противоречащему статье 3 Конвенции.

в) Процедура предоставления временного убежища

112. Суд подчеркивает, что временное убежище может быть предоставлено лицу по «гуманным причинам», даже если это лицо не может претендовать на статус беженца (пункт 33 выше). Согласно определению Конституционного Суда Российской Федерации, гуманные основания предусматривают наличие «сложной ситуации» лица, подающего ходатайство о предоставлении временного убежища (пункт 39 выше). Суд не располагает данными, по которым бы риск обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, мог трактоваться государственными органами, как «сложная ситуация». Тем не менее, он отмечает, что Правительство не продемонстрировало, что эта норма может применяться в данном случае. В любом случае, при условии, что процедура предоставления временного убежища в принципе позволяет осуществить внимательное и тщательное изучение заявления о риске форм обращения, противоречащих статье 3 Конвенции, Суд подчеркивает, что основной вопрос в данном деле – уточнить, воспользовалась ли заявительница в ходе процедуры подачи ходатайства о получении временного убежища 17 июля 2015 года правом отлагательного эффекта в отношении окончательного и подлежащего исполнению решения о ее выдаче от 24 сентября 2015 года.

113. Суд подчеркивает, что ни пунктом 1 статьи 464 УПК, ни пунктом 4 статьи 12 Закона «О беженцах» не устанавливается запрет на выдачу лица, подавшего ходатайство о предоставлении временного убежища; такой запрет применим только к тем, кто уже «получил» временное убежище (пункт 28 и 33 выше). Так как Правительство не продемонстрировало противоположное, Суд считает, что тот факт, что ходатайство о предоставлении временного убежища находится на рассмотрении в органах по вопросам миграции, не исключает исполнения окончательного решения о выдаче лица и не обладает в данном случае «автоматическим приостанавливающим действием». Обстоятельства данного дела иллюстрируют такую ситуацию: заявительница не была выдана Туркменистану не потому, что подала ходатайство о предоставлении временного убежища, а потому что Суд указал на это в решении от 24 сентября 2015 года в качестве обеспечительной меры на основании правила 39 своего Регламента. Действительно, как следует из решения Саратовского отделения ФМС от 16 октября 2015 года, временное убежище было предоставлено заявительнице «до получения дальнейших указаний» в связи с (...) указанием принятия обеспечительной меры в соответствии с правилом 39 Регламента Суда в рамках рассмотрения жалобы № 46721/15 «Алланазарова против России» (пункт 26 выше). Таким образом, Суд может сделать вывод о том, что без его вмешательства заявительница бы была выслана в Туркменистан прежде, чем её ходатайство было бы рассмотрено по существу.

114. С учетом вышеизложенного, Суд считает, что процедура предоставления заявительнице временного убежища не имела необходимого автоматического приостанавливающего действия в значении статьи 13 Конвенции.

е) Заключение

115. Суд пришел к выводу, что пересмотр решения от 12 мая 2015 года о выдаче заявительницы, сам по себе или в сочетании с другими процедурами предоставления заявительнице статуса беженца и временного убежища, не являлся в данном случае «эффективным средством правовой защиты» по определению статьи 13 в отношении утверждений заявительницы касательно риска быть подверженной обращению, противоречащему статье 3 Конвенции, в случае ее выдачи Туркменистану. Таким образом, имело место нарушение статьи 13 в сочетании со статьей 3 Конвенции.

III. ОТНОСИТЕЛЬНО ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВИЛА 39 РЕГЛАМЕНТА СУДА

116. Суд напоминает, что согласно пункту 2 статьи 44 Конвенции, данное постановление станет окончательным, если: (а) стороны не заявят, что они будут просить о передаче дела в Большую Палату; или (b) по истечении трех месяцев с даты вынесения постановления не поступит обращение о передаче дела в Большую Палату; или (с) Коллегия Большой Палаты отклонит обращение о передаче дела согласно статье 43.

117. Он считает, что меры, требуемые Судом от Правительства в соответствии с правилом 39 Регламента (пункты 4-5 выше), должны действовать до момента вступления в силу данного постановления или до вынесения Судом другого решения по этому делу (см. резолютивную часть настоящего постановления).

IV. ОТНОСИТЕЛЬНО ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

118. В соответствии со статьей 41 Конвенции,

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

119. Заявительница оставила определение суммы понесенного ею морального ущерба на усмотрение Суда.

120. Суд считает, что само признание нарушения статьи 3 отдельно и в сочетании со статьей 13 Конвенции является достаточно справедливой компенсацией морального ущерба, причиненного заявителнице вследствие возможного риска для нее быть подверженной жестокому обращению в случае возвращения в Туркменистан, а также в силу отсутствия эффективных средств правовой защиты в государственных органах по данному вопросу (см. «с соответствующими изменениями» (*mutatis mutandis*), *I.M. против Франции*, № 9152/09, пункт 166, от 2 февраля 2012 г.).

B. Судебные расходы и издержки

121. Заявительница требует возмещения 4 800 евро (EUR) судебных издержек, связанных с оплатой адвоката в процессах в Верховном Суде Российской Федерации и в настоящем Суде. В качестве подтверждения

своего требования она подает почасовой расчет стоимости услуг своего адвоката, который выглядит следующим образом:

- шесть часов на подготовку и подачу заявления о применении правила 39 Регламента Суда;
- в общем три часа на представление заявительницы в Верховном Суде Российской Федерации и в настоящем Суде;
- пятнадцать часов на подготовку и подачу искового заявления Суду;
- двадцать четыре часа на подготовку и подачу в письменном виде своих доводов Суду.

Кроме того, она требует возместить 32 евро почтовых расходов, по которым прилагает копии счетов.

122. У Правительства не возникает вопросов относительно почасовой ставки, указанной заявительницей, но оно считает, что количество заявленных часов завышено, учитывая простоту дела. Также Правительство считает, что заявительница не предоставила Суду доказательств относительно заключения договорных отношений по оказанию правовой помощи между адвокатом и заявительницей, а также относительно оплаты заявленных ею сумм.

123. Суд напоминает, что согласно его практике заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в том случае, если будет доказано, что такие расходы были фактическими и необходимыми, а их размер обоснован. В данном случае, заявительница не предоставила ни письменного соглашения об оказании юридической помощи, заключенного с ее адвокатом, ни счетов за оказанные услуги, ни квитанций о фактической оплате заявленных сумм. Тем не менее, согласно российскому национальному законодательству, гонорары за оказание юридических консультационных услуг могут быть возмещены даже в случае заключения устного соглашения о помощи (*Фадеева против России*, № 55723/00, пункт 147, ЕСПЧ 2005-IV). Что касается отсутствия доказательств предварительной оплаты заявленных сумм, Суд напоминает, что он не может ограничивать суммы возмещаемых гонораров только суммами, уже оплаченными адвокату (*I.M. против Франции*, см. выше, пункт 170). На самом деле, такой подход может удерживать многих адвокатов от представления в Суде малообеспеченных заявителей (*Флукс (Flux) против Молдовы (№ 3)*, № 32558/03, пункт 38, от 12 июня 2007 г.). Тем не менее, соглашение, заключенное в письменной или устной форме, согласно которому обязательства возникают сугубо между адвокатом и его клиентом, не обязывает суд при определении уровня расходов и издержек к возмещению ни в отношении действительности заявленных расходов, ни в отношении их обоснованности (см., «с соответствующими изменениями» (*mutatis mutandis*), *Иатридис (Iatridis) против Греции* (справедливая компенсация) [GC], № 31107/96, пункт 55, ЕСПЧ

2000-XI). В данном случае, Суд учитывает все предоставленные доказательства для возмещения расходов и издержек и, в частности, количество рабочих часов, требуемых для изучения дела, и указанный уровень почасовой оплаты (*там же*). Исходя из этого, принимая во внимание детальный список, предоставленный заявительницей, изложенные выше критерии, а также сложность и значимость дела, Суд постановил справедливым установить 2 000 евро в качестве возмещения заявительнице всех расходов и издержек.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

124. Суд считает целесообразным установить процентную ставку за просрочку платежей на уровне предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процентных пункта

**НА ОСНОВАНИИ ВЫШЕИЗЛОЖЕННОГО, СУД
ЕДИНОГЛАСНО**

1. *Объявил* исковое заявление приемлемым;
2. *Постановил*, что имело бы место нарушение статьи 3 Конвенции в случае исполнения меры по выдаче заявительницы Туркменистану;
3. *Постановил*, что имеет место нарушение статьи 13 в сочетании со статьей 3 Конвенции;
4. *Постановил*, что констатация факта нарушения является достаточно справедливой компенсацией морального ущерба, понесенного заявительницей;
5. *Постановил*
 - а) обязать Государство-ответчик в срок до трех месяцев с момента вступления в силу постановления в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции возместить заявительнице 2 000 EUR (две тысячи евро), плюс все суммы, которые могут быть понесены заявительницей в форме налогов, в качестве расходов и издержек, в национальной валюте Государства-ответчика по курсу, действующему на дату выплаты;
 - б) по истечении вышеуказанного срока на присужденные суммы применить начисление ставки в размере предельной годовой

процентной ставки по займам Европейского центрального банка, действующей в этот период, плюс три процентных пункта;

6. *Отклонил* остальные требования заявительницы о справедливой компенсации;
7. *Решил* продолжить указывать Правительству, в соответствии с правилом 39 Регламента, о том, что желательно в интересах надлежащего проведения судебного разбирательства не выдавать и не высылать заявительницу до момента вступления в силу настоящего постановления или до вынесения Судом иного решения по данному делу.

Составлено на французском языке, уведомлено в письменном виде 14 февраля 2017 года в соответствии с пунктами 2 и 3 статьи 77 Регламента Суда.

Стивен Филлипс,
Секретарь

Луис Лопес Герра,
Председатель Суда